

Проводы затягивались. Мне уже раз шесть успели пожелать «счастливого пути», а я — «счастливо оставаться», но сесть в машину и наконец-то отчалить все никак не удавалось. То Сергей Сергеевич вспоминал что-то некстати, то Валентин Иванович шутил, то Надежда Васильевна с поклоном напоминала: «Мы на вас очень рассчитываем». В ответ я улыбалась, кивала и бесчисленное количество раз заявляла, что их производство «произвело на меня отрадное впечатление». На самом деле я так и не поняла, чем они там занимаются, то есть что производят. Хотя три часа бродила по фабрике, внимательно ко всему приглядывалась и даже минут пятнадцать постояла у конвейера. Любое производство для меня — тайна за семью печатями, и назначение здешних болтов, дощечек и гаек я так и не уловила, но помещения тешили глаз чистотой и порядком, так несвойственными родному Отечеству, это я не преминула отметить с большой радостью и смогла похвалить вполне осмысленно. Рабочие (преимущественно мужчины) смотрели на меня с веселым любопытством, из чего я сделала вывод, что народ здесь не бедствует, и порадовалась еще раз.

После обзорной экскурсии меня ждал королевский обед в кабинете директора в компании с его замом, главбухом и, разумеется, им самим. Люди приятные, несуетливые и мне понравились. Себя я чувствовала первым секретарем обкома социалистических времен, приехавшим в захолустье родной вотчины, и пришла к выводу, что быть первым секретарем здорово и даже забавно, а главное — совсем необременительно. Поэтому, когда директор (звали его Сергей Сергеевич) сказал, улыбаясь:

— Надеюсь, Алла Леонидовна, вам у нас понравилось, — я с улыбкой ответила:

— Очень, — и тут же добавила, как меня учила Алька: — Со своей стороны я сделаю все возможное, чтобы наше соглашение состоялось. — И даже руку к груди прижала, чтобы нагляднее продемонстрировать свою искренность. Искренность произвела впечатление, все разом заулыбались и о делах больше не говорили. Люди попались воспитанные и умные: знали, когда стоит поднажать, а когда помолчать. Конечно, мы не молчали, я поинтересовалась историческим прошлым города (гуманитарные предметы ближе моей творческой натуре) и получила исчерпывающий ответ. В общем, обед удался. Я поблагодарила радушных хозяев и теперь стояла возле машины с открытой дверцей и пыталась с ними проститься. Моя правая нога была уже в салоне, когда Надежда Васильевна спросила:

— Вы сами за рулем?

— Да, — улыбнулась я и что-то там присокупила о своей любви к быстрой езде, свойственной любому русскому, одновременно пу-

гаясь, что разговор может вспыхнуть вновь и я вообще сегодня никуда не уеду, но хозяева улыбнулись еще шире и в три голоса воскликнули:

— Всего доброго!

А я завела мотор и помахала им рукой.

— Алла Леонидовна! — крикнул Валентин Иванович. — Ждем вашего звонка.

Я кивнула, еще раз помахала рукой и тронулась с места. После чего вздохнула с заметным облегчением, а потом засмеялась: затея с переодеванием вроде бы удалась.

Город остался позади, я потянулась к телефону и попыталась связаться с Аллой Леонидовной, которую изображала в течение пяти часов с большим усердием. Алька отозваться не пожелала. А жаль. Мне хотелось отрапортовать о своих успехах и удостоиться похвалы. Но не судьба. Тому, что я сегодня в районном центре изображала очень важную даму, способствовали два обстоятельства: моя врожденная страсть к авантюрам и Алькина неумная тяга к мужскому полу. После тридцатилетнего юбилея в подружку точно бес вселился, она в буквальном смысле не могла пропустить ни одного мужика. Есть представители сильного пола, которые волочатся за каждой юбкой, а Алька, по аналогии, волочилась за каждым брюками.

Мы были знакомы лет десять, судьба свела нас в больнице, где Алька работала медсестрой, а я отлеживалась со сломанной рукой и разбитым сердцем, пребывая в том возрасте, когда мечтают об идеальных возлюбленных, навешива-

вают этот самый идеал на кого попало, а потом очень сердятся, что оригинал не соответствует мечтам. Сердца разбиваются, а душа страдает.

Я страдала заметно для окружающих, это углядела Алька, у которой тоже были сердечные проблемы, и вечерами, во время ее дежурства, мы пили чай и сетовали на сильный пол, да так преуспели в этом, что после моей выписки обходиться друг без друга попросту не могли и вскоре стали закадычными подругами.

Алька не блистала красотой, была умна, чрезвычайно скромна и сильно опасалась, что засидится в девках. Поэтому была готова выскочить замуж за первого, кто об этом попросит. Этим первым оказался мой давний знакомый, старший брат школьной подруги, в то время новопеченный комсомольский лидер районного масштаба. Он был высок, широкоплеч, голубоглаз и мог, как заведенный, болтать по два часа кряду на любую тему. От всего этого великолепия Алька прямо-таки обалдела и ходила за ним, точно привязанная. Витька дураком не был, к тому же догадывался, что, кроме как болтать, ничего путного не умеет, а Алька — скромница, умница и труженица, именно та самая женщина, которая будет ему верной женой. Как раз тогда Алька стала депутатом горсовета (самым молодым, об этом даже в газете писали, областной, конечно) и смогла перебраться из общежития в квартиру. После чего сыграли свадьбу. Первые годы супружеской жизни принесли Альке одни разочарования. Прежде всего выяснилось, что о наследниках мечтать не следует, повинна в этом была какая-то мудреная бо-

лезнь, обнаруженная у моей подруги, отчего та не только буквально впала в отчаяние, но и нажила массу комплексов: ведь она не могла осчастливить любимого мужа вопящим чадом. Потребовалось много времени, чтобы подружка сообразила: вопящее чадо нужно ее благоверному, как снег в мае. Однако Витька был не только эгоистом до мозга костей, но и большим хитрецом: как только речь заходила о детях, он затихал, смотрел грустно и выглядел совершенно несчастным, чем умудрялся поддерживать Алькины комплексы, при этом позволяя себе скромные радости на стороне. Алька его оправдывала и страдала. Иногда мне хотелось как следует встряхнуть ее, увезти куда-нибудь подальше от голубых Витенькиных глаз, чтобы подружка пришла в себя и увидела, кто на самом деле так ловко возле нее пристроился, но жизнь и без моего вмешательства внесла свои коррективы. Времена изменились, надобность в комсомольских лидерах отпала, зато на свет божий появились предприниматели всех мастей. И тут Алькин ум, проницательность и деловая хватка вкупе со связями Витьки сыграли решающую роль: голубоглазый супруг вскоре стал многообещающим бизнесменом, а подружка вкалывала, как лошадь, проталкивая его к денежным вершинам. Надо полагать, Витька многократно перекрестился, радуясь, что не свалял в свое время дурака, избрав в спутницы жизни красивую вертливостку, а женился на Альке.

Богатство, не замедлившее явиться, произвело в моей подружке разительные перемены. Наконец-то она смогла позволить себе дорогие

тряпки (при этом обнаружались и вкус, и стиль), а вслед за этим Алька взглянула на себя иначе, убедившись, что на Витьке свет клином не сошелся и на свете полным-полно других мужиков. А когда у тебя есть настоящее дело и мозги заняты, относиться к мужскому полу начинаешь без особого романтизма, как говорится, не любишь — и не люби, мы еще пошарим вокруг. Из одной крайности Алька впала в другую. То скромна была до святости, то стала распутна до неприличия. Каюсь, в роли распутницы она мне нравилась больше — от страданий, как чужих, так и своих, у меня начинает голова болеть. Да и Витеньке не мешало получить по заслугам. После тридцати лет Алька окончательно спятила, разом решив наверстать упущенное в молодости, истощала себя диетами, физическими упражнениями и подолгу смотрела на фотографии принцессы Дианы, каждый раз обретая в них вдохновение. Имя Альбина, полученное при рождении, показалось ей неблагозвучным и почему-то деревенским (кстати, Алька как раз в деревне и родилась, ее малая родина размещалась в такой глубинке, что дорога туда вызвала во мне настоящий ужас. Решив посетить исторические места, я с удивлением обнаружила, что в ста километрах от областного центра есть еще нехоженые тропы, а главное, неезженные дороги, однако нахально обозначенные на карте). В общем, Альбина стала Аллой, малость подправила биографию, и хоть на княжеский титул не замахивалась, но прозрачно намекала на близкое родство со всеми ныне здравствующими знаменитостями.

Я при случае охотно поддакивала и во всеуслышание заявляла, совершенно искренне, что Алла Леонидовна — редкая женщина. Несмотря на все это, в глубине души Алька оставалась все той же простой, нежной и несчастной женщиной, с большой обидой на то, что ее единственная настоящая любовь не была оценена по достоинству.

Резкие перемены в жизни привели к тому, что старых друзей Алька растеряла, не считая, разумеется, меня. К моей особе она испытывала нечто сродни страсти. Кажется, я заменяла ей всех: подругу, духовника и родное чадо в придачу. Она делала мне царские подарки, в меру сил вносила в мою жизнь элемент упорядоченности и все пыталась понять: на какие такие шиши я умудряюсь жить прямо-таки припеваючи. Тут надо пояснить, что я в своей жизни сменила множество профессий, но ни одна из них не пришлась мне по душе настолько, чтобы раз и навсегда остановиться на ней. Зато у меня были идеи. Самые разные, иногда неожиданные. Еще у меня была сестра, в настоящее время проживающая в Израиле, куда последовала за любимым мужем. У Ленки сроду не было никаких идей, зато была счастливая способность любую из них превращать в презренный металл, точнее — в купюры разных цветов и достоинств. Алька очень бы удивилась, узнай, на чем я смогла сделать приличные деньги. Например, на туалете. Размещался он в парке Пушкина, по соседству с танцплощадкой, в бывшей церковной сторожке (церковь стоит чуть выше, на горе). В парке во времена

моей юности дежурили наряды милиции, бдительно шаря по кустам в поисках пьющих, курящих и целующихся. Единственным недоступным для ментов местом был этот самый туалет, обозначенный буквой «Ж». Он стал своеобразным клубом, где можно было выпить, покурить и постоять обнявшись со своим парнем, не опасаясь, что на его плечо ляжет чья-то рука и суровый голос задаст идиотский вопрос: «Вы чего тут делаете?»

Как-то раз, прогуливаясь по парку, я набрела на бывший туалет, ныне вновь церковную сторожку, и, умиленно взирая на свежепобеленные стены, всецело отдалась воспоминаниям. После чего мы вместе с приятелем изготовили фотографию: я в желтом сарафанчике по моде десятилетней давности на фоне этого самого туалета (сторожке мы временно вернули большую букву «Ж»). Таким образом, на свет появилась открытка с надписью «Привет из юности». Внутренний голос шептал мне, что на этом можно заработать, но чтобы так... Благодаря помощи моей милой сестрицы земляки в Израиле, которых было, кстати сказать, там немало, отваливали за мой «привет» прямо-таки немислимые деньги, и он того стоил: взглянув раз на открытку, владелец оной мог часами баловать слушателей воспоминаниями о своей юности.

Алька, обнаружив эту открытку, долго смеялась и качала головой: как я уже сказала, в юности подружка была невыносимо скромной и с данным объектом ее ничто не связывало.

Но и она купила открытку, потому что на ней был запечатлен мой светлый образ.

— Тебе хоть копейку заплатили? — хмыкнула она.

— За что? — деланно удивилась я, а Алька назидательно проронила:

— Дура, люди на таком вот дерьме деньги делают. — Подружке нравилось думать, что я растяпа, а мне не хотелось ее переубеждать.

Тут я вновь вернулась мыслями к Алле Леонидовне, которую сегодня изображала с таким удовольствием, и попыталась с нею связаться. Алька явно была занята чем-то чрезвычайно интересным, я даже догадывалась чем. Когда даме чуть за тридцать, она богата, обладает пылким воображением и временем заняться собой, на сцене неизменно появляется герой-любовник. Он не заставил себя ждать и в этот раз: два месяца назад Алла Леонидовна влюбилась, а влюбившись, как водится, начала безумствовать. Больше обыкновенного торчала в сауне и парикмахерской и с пренебрежением относилась к домашним обязанностям. Само собой, каждую минуту быстротекущей жизни она хотела посвятить возлюбленному. Тот тоже безумствовал и посвящал, и тоже пренебрегал семейным очагом. Безумства обоих волшебным образом никак не сказывались на делах (возлюбленный управлял крупным банком), поэтому я очень удивилась Алькиному предложению, сделанному мне накануне.

Она приехала поздно, около двенадцати, открыла дверь своим ключом и устроилась на кровати, поджидая меня. Я в это время блаженствовала в ванной и громко пела (странное де-

ло, как только оказываюсь в воде, так сразу тянет что-нибудь исполнить). Из комнаты полились звуки шубертовской «Аве Мария» и достигли моих ушей, я натянула халат и прошлепала в комнату. От родителей мне досталась трехкомнатная «хрущевка», из которой я, по мнению близких, сотворила нечто несусветное. С моей точки зрения, получилось занятно: внутренние перегородки были снесены и перестроены, в результате чего получилась большая кухня и большая комната с аркой. Беда в том, что придать всему этому пристойный вид всё руки не доходили. Я мнила себя гением дизайнера, идеи появлялись и исчезали, и за два года я так и не смогла на чем-либо остановиться. Алька не выдержала и сделала в моей квартире ремонт по своему усмотрению, пока я отдыхала в Крыму. Тонá она предпочитает светлые, а обои дорогие. В результате подобных пристрастий квартира стала напоминать сугроб в погожий январский денек. Я пришла в ужас, сказала «спасибо», а потом махнула на все рукой: заниматься переклейкой обоев мне было лень. С обстановкой тоже вышла неувязка, «сугроб» все портил: старая идея не годилась, а новые не спешили появляться, и пока в комнате стояла огромная кровать (ручной работы с инкрустацией) — подарок мужчины средних лет с золотыми руками, который до сего дня повторяет с тоской, глядя на меня: «Надежда умирает последней». Так как живу я на втором этаже, Алька купила шторы на окна (белые, разумеется) и два огромных ковра, один на стену, другой на пол, потому что она вечно мерзнет, а тапок у меня не сыщешь днем с огнем.

Алька сидела на кровати, слушала Шуберта и смотрела на меня с томлением. Потом предложила:

— Может, купить тебе диван?

— Не надо, — испугалась я.

— Люди приходят, а сесть негде.

— Почему это? На полу полно места, а для удобства есть подушки, шестнадцать штук. Больше народу квартира все равно не вместит.

Алька махнула рукой, перевела взгляд на люстру, вздохнула и сказала:

— Дело есть.

Я растянулась на кровати, сунув под голову подушку, и лениво спросила:

— Какое?

— Важное. У моего завтра свободный день.

Прикинь?

Я прикинула: такое, судя по Алькиным рассказам, случалось нечасто.

— Хотим закатиться ко мне на дачу.

— Дело хорошее, — кивнула я, ожидая, что последует дальше; надо полагать, я буду в группе прикрытия вешать Витеньке лапшу на уши и следить за тем, чтобы ситуация не вышла из-под контроля.

— Мне завтра надо на фабрику ехать, сто километров, — нахмурилась Алька. — Люди ждут.

— С любимым поедешь? — спросила я, а она разозлилась:

— Драгоценное время терять?

— Неужто не поедешь? — ахнула я и даже приподнялась на локте, заглядывая подружке в глаза: пренебрежение к работе — что-то новое,

не иначе как безумства любви приобрели опасный размах.

— Слушай, съезди ты, — предложила Алька, а я в ответ выпучила глаза:

— Как это?

— Очень просто, на машине. Приедешь, посмотришь, с народом пообщаешься. Эта встреча ничего не значит, все уже решено, понимаешь?

— Понимать-то я понимаю, но людям вряд ли понравится, что ты кого-то вместо себя послала, да и Витька может об этом узнать и заинтересоваться.

— А ты скажешь, что ты — это я.

— Что ж они, совсем дураки? — не поверила я.

— С их директором мы общались только по телефону, виделись однажды, два года назад, мельком. Не думаю, что он меня хорошо запомнил. Наденешь мой парик, нацепишь очки, возьмешь мою машину. Я с утра предупрежу, чтоб тебя встретили. А если Витька туда позвонит, ему подтвердят, что я на месте. Хочется спокойно и без суеты побыть наедине с любимым человеком.

— А если они начнут меня расспрашивать о чем-нибудь?

— Ты ж не дура, выкрутишься.

Я посмотрела на Альку и засмеялась. В целом идея выглядела забавной: отчего ж не выступить в роли Хлестакова, или, точнее, Хлестаковой? Алька вышла в прихожую, а вернулась с сумкой.

— Вот парик. Напяливай.

Следующие полчаса мы всю развлекались. В Алькином парике цвета воронова крыла выглядела необычно и даже загадочно. Но похожей на Альку отнюдь не стала, поэтому она нахлобучила мне на нос свои очки с темными линзами. Мы еще немного помудрили и пришли к выводу, что маскировка вполне сгодится, в конце концов, мало кому придет в голову придираться к моей внешности.

— Блеск, — хмыкнула Алька, облобызала меня и направилась к двери.

— Эй, — всполошилась я. — А если Витька и впрямь позвонит?

— Вещай моим голосом, — ответила подружка и добавила: — Машина под окнами, ключи в кухне, на столе. — И удалилась. Таким вот незатейливым образом я оказалась в роли важной дамы.

День, поначалу пасмурный, вдруг разгулялся, солнце светило ярко, и щеголять в парике по такой погоде — значило бы не любить себя. Я притормозила у обочины, сняла его, швырнула в сумку и, достав зеркало, придала себе привычный облик. Еще раз позвонила Альке, с тем же успехом, и отправилась дальше. Вот тут-то и начались мои неприятности. Машина вдруг повела себя очень странно: я давила педаль газа, а красавица «Ауди» двигалась нехотя, точно что-то ей мешало, потом начала подозрительно дергаться, а под конец и вовсе встала как вкопанная. Я вышла из машины и сделала что могла: дважды обежала ее по кругу, заглянула под капот и пнула переднее колесо. Но даже после этого машина не пожелала трогать-

ся с места. Это выглядело тем более невероятным, что машина была новой и Алька, между прочим, никогда на нее не жаловалась. Я чертыхнулась, а потом и приуныла. По здравом размышлении выход был один: найти Альку, и пусть она сама разбирается со своей техникой. Я с надеждой снова набрала номер и даже попросила неведомо кого: «Помоги мне, а?» Но чуда не произошло, подружка не пожелала ответить, а машина завестись. Вот так всегда: если день начнется удачно, значит, закончится неприятностями. Бессмысленно провоевав с машиной еще минут двадцать, я произнесла несколько затейливых фраз, обращаясь к ее совести, и вышла на дорогу, в надежде обрести сострадательную душу в лице какого-нибудь водителя.

Дорога, до сего момента перегруженная транспортом, разом опустела. Мимо проскочил «КамАЗ», шофер, хмурый пожилой дядька, взглянул на меня сурово и отвернулся. То же самое сделали еще четверо: водитель автобуса, блондинка на «девятке» (впрочем, в помощь с ее стороны как-то не верилось), парень на «Запорожце» и благородный отец семейства на стареньких «Жигулях». В общем, не везет, и все тут. Приключения мне разом разонравились. Желающих помочь не было, а Алька в эйфории любви отвечать не желала. Я села, не закрывая дверь, выставила ноги на дорогу и стала ждать неведомо чего: спасителя или Алькиного звонка. Прошло минут десять, и тут в поле моего зрения возник черный «Опель». Двигался он точно нехотя и вроде бы не зная, куда желает

попасть. Создавалось впечатление, что его хозяин чего-то искал на дороге и времени на это имел предостаточно. Я даже не успела выйти из машины и махнуть рукой, а он уже тормозил у обочины. Я вздохнула: надо полагать, за рулем весельчак-мужчина кавказской национальности и помощь обернется большими хлопотами. Прикинув, что хлопоты все-таки лучше скучного ожидания того момента, когда у машины появится совесть, я выпорхнула на дорогу, дверь «Опеля» распахнулась, из него вышел молодой мужчина, а я выпучила глаза и приоткрыла рот, кажется, до неприличия широко: передо мной стоял мужчина моей мечты. Во-первых, он был блондином, а мне всегда нравились блондины, но на них не везло, ни одного по-настоящему блондинистого мужчины у меня не было, если не считать Сережки Казанцева, с которым я дружила в пятом классе. Во-вторых, блондин был синеглаз, сокрушительно красив, ослепительно улыбался ровными, жемчужного цвета зубами, так что казалось невероятным предположить, что они настоящие, был хорошо одет и прибыл на роскошном «Опеле», при этом обладал высоким ростом и завидной фигурой. Короче, не мужчина, а рождественский подарок под елкой — большой, упакованный в нарядную обертку со всевозможными бантами и ленточками.

Я слабо охнула, силясь удержаться на ногах, и торопливо мазнула взглядом по своим рукам. Маникюр выглядел безупречно. За все остальное я не переживала. Придала позе изящество, а

лицу выражение томной неги и страстно прошептала:

— Вы не могли бы мне помочь?

Блондин улыбнулся еще лучезарней, окончательно ослепил меня и ответил:

— С удовольствием. — После чего нырнул под капот «Ауди».

Я встала рядом, избрав позу, выгодно обрисовывающую мою фигуру в чрезвычайно дорогом костюме, и тарасилась на блондина во все глаза. Хотелось протянуть руки, вцепиться в него покрепче и взвыть: «Мое!» Блондин увлеченно возился с машиной, то и дело с большим интересом поглядывая на меня. Я скромно потупила глазки, налилась румянцем и чуть-чуть улыбалась.

— Что-нибудь серьезное? — спросила испуганно.

Он стал мне что-то объяснять. Я насчитала шесть знакомых слов, но они не смогли пролить свет на причину моего бедственного положения. Уловив в моем лице растерянность и с опозданием сообразив, что лекция меня скорее испугала, нежели внесла ясность, блондин вздохнул, ободряюще улыбнулся и сказал:

— Здесь неподалеку станция техобслуживания. Думаю, за час они с этой проблемой справятся.

— Да? — пролепетала я, взяла телефон и вновь попыталась связаться с Алькой, хотелось услышать ее мнение: стоит заезжать на станцию или нет? Алька вновь не пожелала ответить, блондин вытирал руки полотенцем, лю-

безно предложенным мною, а я пыталась представить, как выгляжу в настоящий момент. Надо полагать, очень неплохо. Красота моя бросается в глаза, костюм выгодно подчеркивает достоинства фигуры, в руках у меня сотовый, а рядом сверкает темными боками новенькая «Ауди», хотя и не желает трогаться с места.

— Вы не могли бы попросить на станции, чтобы они кого-нибудь прислали? — пропела я с мольбой во взоре, небрежно бросив телефон в сумку.

— У меня есть трос, — сообщил блондин. — Думаю, будет лучше, если мы сами доставим вашу машину на станцию.

— Это вас не очень затруднит? — обеспокоилась я, слегка выставив левое бедро, юбка на мне короткая, и я не сомневалась, что в комплексе это произведет впечатление.

— Что вы, — ответил он. — С огромным удовольствием.

Я с трудом перевела дыхание от обрушившегося на меня счастья. Подумать только, в один день досыта наестся красной икры и встретить такого мужчину. «Надо быть настороже, — сурово одернула я себя. — Судьба так просто подарками не разбрасывается».

— Тогда, может быть, мы поедем? — ласково предложила я.

Он сходил к своей машине, вернулся с тросом, подцепил мою, затем устроился в «Опеле» и махнул мне в окно рукой. Я плюхнулась на сиденье, прошептала: «Господи боже!» — и намертво вцепилась в руль.

Станция техобслуживания размещалась на окраине районного центра. Блондин аккуратно въехал в ворота и втянул в них меня, после чего мы плавно затормозили, он подошел и помог мне выйти.

— Я узнаю, к кому следует обратиться, — сказал он и ненадолго исчез.

Через несколько минут меня лишили машины, то есть вкатили ее в какие-то ворота с надписью «Бокс №1» и их закрыли, а я осталась во дворе, в котором не наблюдалось совершенно ничего интересного. К счастью, блондин вернулся очень быстро.

— Ребята сказали, пару часов придется подождать.

— Что ж, ничего страшного, — кивнула я и добавила со значением: — Спасибо вам огромное. Просто не знаю, что я делала бы одна на дороге. В машинах я не очень разбираюсь.

— Ваша машина? — спросил он, кивнув в сторону бокса.

— Моя, — зачем-то соврала я. — Она почти новая, и вдруг такая незадача... — Я вздохнула и потупила глазки. Выходило, что нам пора прощаться, мне этого очень не хотелось и блондину, как видно, тоже.

— Я мог бы вас подождать, — вдруг предложил он с чрезвычайной любезностью, — чтобы убедиться, что все в порядке, ну и компанию составить.

— Что вы, что вы! — заволновалась я, глядя на него с признательностью бродячей собаки, которой ни с того ни с сего отвалили здорову-

ший кусок мяса. — Вы и так потратили на меня столько времени.

— Этого добра у меня сколько угодно, — засмеялся блондин и добавил: — Меня зовут Сергей. А вас?

— Таня, — улыбнулась я и протянула руку, он осторожно пожал ее и, взглянув на часы, предложил:

— Танечка, давайте попробуем отыскать в этом захолустье ресторан. Я сегодня даже не завтракал, а время уже за обед перевалило.

Мой желудок был буквально переполнен деликатесами, но отказаться я не смогла. Мы покинули станцию техобслуживания и совершили обзорную экскурсию по городу, сидя рядышком в роскошном «Опеле».

Ресторан в городе был один, назывался он «Дружба» и выглядел препаршиво.

— Да, — приуныл Сережа и спросил: — Как думаете, нас здесь не отравят?

— Не уверена, — честно призналась я.

Мы решили рискнуть и вскоре сидели за столиком на двоих, покрытым гнетущего вида скатертью. Я попыталась не касаться локтями стола и вообще отодвинуться от него подальше.

— Глупо было приглашать вас в такую забегаловку, — устыдился Сережа.

— Что вы! — ахнула я и в доказательство сложила на столе руки, придав себе вид чрезвычайно демократичной женщины, каковой на самом деле и являлась. Не будь улыбка блондина столь лучезарной и не страдай я сама от обжорства, скатерть и общий вид ресторана вовсе бы меня не тревожили, а все предложенное

добрыми людьми в отпечатанном на старенькой машинке меню я стрескала бы за милую душу, даже глазом не моргнув.

Сереза улыбнулся, протянул руку и коснулся моей ладони, взглянув мне в глаза с большим чувством. Я пунцово покраснела и вновь потупила глазки. Тут подошла официантка, и Сереза сделал заказ: единственное, что я способна была съесть сейчас, это салат, его и заказала. К счастью, тарелка оказалась маленькой, а салата в ней еще меньше, и я смогла его проглотить без особых усилий. Сереза, с аппетитом уничтожая фирменное блюдо, дважды взглянул на часы. Я забеспокоилась:

— Вы торопитесь?

— Я? Нет. То есть... Танечка, у меня назначена встреча...

— Господи, что же вы сразу не сказали? Я так беспардонно вас использую...

— Чепуха. — Он ухватился за мою ладонь, заставив мою грудь бурно вздыматься. Стало ясно: я влюбилась в блондина, и с вежливостью пережимать не стоило, а ну как вправду уедет, оставив меня на этой дурацкой станции. — Мне совсем не хочется уезжать... Вы замужем? — вдруг спросил он, а я торопливо заверила:

— Нет, — и тут же брякнула: — А вы женаты? — опомнилась и пролепетала: — Извините. Бог знает, что со мной сегодня...

Сереза улыбнулся и сказал:

— Я не женат. Занимаюсь бизнесом. Вечером у меня встреча с одним клиентом... но почему бы не послать его к черту?

— Если это из-за меня, то не стоит. Мне

очень неловко. Хотя, если честно, не хочется, чтобы вы уезжали...

Тут мы оба засмеялись, и разговор пошел веселее. Выяснилось, что в нашем городе мы живем в одном районе. Я поведала некоторые факты своей биографии, самые интересные, разумеется. Из рассказа следовало, что живу я одна, тружусь в редакции областной газеты (это, кстати, почти правда, я там кем-то вроде внештатного сотрудника), по профессии художник-оформитель, интересы разносторонние, люблю путешествовать, а на досуге пишу маслом (все чистой воды вранье, путешествовать я не люблю, к сестре в Израиль выбиралась дважды и чуть не скончалась в самолете, мою мазню маслом только псих обзовет пейзажем, а интерес у меня один: повалять дурака, да чтоб при этом никто не мешал). Однако женщина с моим лицом просто обязана иметь богатый внутренний мир, вот я старательно и сотрясала воздух всякими глупостями. Сережа кивал с пониманием и мою ладонь уже не отпускал, а я стремительно поднималась к вершинам блаженства.

Все испортил Сережин взгляд, исподтишка брошенный на часы.

— Сережа, — засомневалась я, — может быть, вам лучше уехать? Я чувствую, эта встреча важна для вас.

Он тяжело вздохнул, а потом предложил:

— Танечка, поедemте со мной. До города пятьдесят километров. За вашей «Ауди» вернемся завтра. Я с удовольствием составлю вам

компанию, завтра у меня как раз свободный день.

Предложение выглядело заманчивым. Я подумала, что не помешало бы мне посоветоваться с Алькой, и извлекла телефон из сумки. Подружка общаться не пожелала, а я разозлилась: в конце концов, у нее любовь, а у меня что? «Ауди» никуда не денется, а терять так счастливо найденного блондина совершенно глупо.

— А почему бы и нет? — пожалала я плечами в ответ на настойчивый взгляд Сережи. Он расплатился, и мы покинули ресторан.

— Думаю, стоит заехать на станцию, — сказал он уже в машине.

Мне было все равно, куда ехать и заезжать, думать я могла только о его глазах, лучистой улыбке и ямочке на подбородке. Господи, да неужто мне так повезет, что я заполучу этого парня? Может, еще и замуж выйду. Муж-бизнесмен — это как раз то, что мне нужно. Машина у него очень приличная. Конечно, сейчас полно всякого жулья, но он производит хорошее впечатление... От размышлений меня отвлек вопрос Сережи, правой рукой он рылся в ворохе кассет и поинтересовался:

— Какую музыку вы любите?

А я заметалась мыслями: что бы такое ответить позабористее, подчеркивающее богатство моего внутреннего мира? Не придумав ничего оригинального, я честно ответила, что особых пристрастий в музыке не имею и выбор мой зависит от настроения, в настоящее время с удовольствием послушаю что-нибудь лирическое.

Сереза улыбнулся, поставил кассету, и мы покинули городок.

Первые пятнадцать минут все шло просто отлично: мы разговаривали, смотрели друг на друга со значением и даже решили перейти на «ты». Я туманно объяснила, куда и зачем ездила, а он поведал о том же еще туманнее. Потом его рука легла на мою руку, предусмотрительно возложенную на край сиденья, а я на всякий случай взглянула на дорогу: конечно, блондин во всех отношениях мужчина стоящий, но управлять машиной одной рукой при бурном движении — дело опасное. К моей радости, бурное движение на дороге отсутствовало, именно поэтому я и обратила внимание на «Тойоту», поначалу просто мазнула по ней взглядом, а через несколько минут отметила, что «Тойота» ведет себя странно: мы двигались со скоростью километров семьдесят (удовольствие совместного путешествия стоило продлить), а она почему-то плелась следом, соблюдая значительную дистанцию, хотя шоссе было свободно и инспекторов ГАИ не наблюдалось. Лично мне не приходилось встречать владельца джипа, который при подобных обстоятельствах стал бы плестись за кем-то сзади. Я подумала, может, сказать об этом Серезе, но он, взглянув в зеркало, как видно, тоже заметил «Тойоту» и нахмурился.

— Что-нибудь не так? — спросила я.

— Что? — не понял Сереза, потом улыбнулся, сказал: — Все отлично. — И прибавил скорость.

«Тойота» исчезла из поля моего зрения, че-

му я, признаться, порадовалась и попыталась вернуться к светской беседе. Однако что-то меня беспокоило, причину этого самого беспокойства я попыталась обнаружить, и выходило, что это проклятый джип, хотя его сейчас и не видно, но он мне все равно не нравится. Я покосилась на своего спутника, он весело болтал, однако то и дело поглядывал в зеркало, что он там высматривает, понять было нетрудно. К счастью, движение на шоссе возобновилось, я с облегчением вздохнула, урезонив себя: рядом с мужчиной своей мечты совершенно необязательно забивать голову разной чепухой.

Сереза продолжал мне что-то рассказывать, но в глазах его плескалось беспокойство, и это меня пугало. Человека я совершенно не знаю, и хоть он, конечно, мужчина, о котором я давно мечтала, но неприятностей я не ищу, а назваться бизнесменом может любой, поди отгадай, кто он на самом деле. «Попросить его остановить машину, — пришла мне в голову мысль. — Автостопом вернусь на станцию техобслуживания, Алькину «Ауди» как раз починят, и я отправлюсь домой». Я уже совсем было собралась обратиться к Серезе с просьбой, как он взглянул на меня с лучистой улыбкой, призывно мерцая глазами, а я слабо охнула. К тому же «Тойота» вроде бы исчезла, а впереди возник указатель «Пост ГАИ 500 м». В этот момент справа показалась проселочная дорога, и Сереза торопливо свернул на нее.

— Отдохнем немного, — сказал он, заметив мой недоуменный взгляд, а я, честно сказать,

испугалась, поэтому и заявила, собрав всю свою твердость:

— Сережа, мне это не нравится.

— Танечка, — ласково попросил он, — очень прошу, не думай обо мне плохо. Я сутки за рулем, просто хочу немного размяться, прогуляемся чуть-чуть и поедem дальше.

Выглядел он абсолютно искренним, хотя кто его знает... «А вдруг он какой-нибудь маньяк? Завезет в лес и... Такой симпатичный... а почему маньяк непременно должен быть уродом? Вот как раз симпатичные легко входят в доверие, и романтические женщины готовы следовать за ними на край света, а заканчиваются такие поездки очень печально. Однако маньяк он странный: выбрал место в пятистах метрах от поста ГАИ. К тому же у меня телефон и газовый баллончик в сумке, просто так я себя укокошить не позволю».

Я вновь покосилась на Сережу, он улыбался мне младенчески невинной улыбкой, и только извращенный ум мог бы заподозрить в нем маньяка. «Нормальная реакция мужика, встретившего на дороге красивую женщину: съехать в сторонку и попытаться счастья. Конечно, ему ничего не обломится, и затеял он это совершенно напрасно, женщина я демократичная, но не до такой степени, чтобы заниматься любовью с мужчиной, которого знаю чуть больше часа, да еще в машине, хотя бы и в такой шикарной».

Между тем симпатичная песчаная дорожка, попетляв между берез и елок, оборвалась на лесной полянке, которая радовала глаз веселой

зеленью и яркими ромашками. У меня возникла мысль, что Сережа хорошо знал данную местность и выбрал полянку не случайно. Вряд ли, свернув наудачу, можно сыскать такое место. Я бы, например, уж точно оказалась возле песчаного карьера или мусорной свалки, но удача у всех разная. На всякий случай я открыла сумку, делая вид, что ищу зеркало. Сережа вышел из машины, немного прогулялся и махнул мне рукой, крикнув:

— Здесь земляника!

Я покинула машину, крепко сжимая в руке сумку и прикидывая, следует ли приближаться к Сереже. Пока я валяла дурака, он собрал букетик земляники с ярко-красными ягодами, выглядевшими очень аппетитно, и пошел мне навстречу.

— Хорошо здесь, правда? — сказал, протягивая мне букетик.

Я улыбнулась, взяла из его рук землянику и стала есть, повесив сумку на плечо. Сережа, поглядывая в сторону дороги, вроде бы прислушивался. Вряд ли среди деревьев он мог разглядеть машины на шоссе, но его желание свернуть на проселочную дорогу стало мне более-менее понятно. Подозревать мужчину своей мечты во всяческих пакостях — ужасное свинство, поэтому, взглянув на него, я спросила:

— Сережа, ты ждешь, когда они проедут?

— Кто они? — нахмурился он, а я пожала плечами.

— Они или он. Я имею в виду «Тойоту».

— Значит, ты тоже заметила?

— Мне показалось странным, что они плетутся сзади.

— И мне... тем более странно, что я уже видел эту «Тойоту», — говорил он доверительно, при этом смотрел мне в глаза. Во взгляде читалось желание быть кристально честным. Я с облегчением вздохнула и расслабилась. Теперь на маньяка мой спутник и вовсе не походил.

— Сережа, у тебя неприятности? — застенчиво спросила я, не зная, как объяснить, что я очень хотела бы чем-нибудь помочь ему.

— Нет, — покачал он головой, подумал и повторил: — Нет. По крайней мере, я ни о каких неприятностях не знаю.

— Может быть, они вовсе не за тобой ехали? — предположила я.

— Может быть. Утром, как только я выехал из Нижнего, я заметил их. Точно так же держались, на расстоянии. Поначалу я голову себе не забивал, но в Старом Городище зашел в кафе позавтракать и в окно увидел, как «Тойота» проехала мимо, а через час опять обнаружил их за собой.

— Может быть, они тоже куда-то заезжали? — бог знает кого пытаюсь обмануть, сказала я.

— Вот это я и хотел проверить. Потому и съехал с шоссе. Здесь неподалеку пост ГАИ, подождем полчаса, и если эта чертова тачка опять окажется у нас на хвосте, значит, сомнений нет, кому-то я понадобится, только вот ума не приложу: кому и зачем?

— Мы можем остановиться на посту ГАИ и заявить, что нас преследуют.

— Не думаю, что наш рассказ произведет впечатление.

— Но они, по крайней мере, проверят документы у этих типов. Ты не заметил, много их там?

— Мне показалось — двое. За такими стеклами особенно не разглядишь.

Количество предполагаемых врагов меня слегка успокоило, двое — это не пятеро, а у нас есть телефон, газовый баллончик, и к тому же Сережа на хлипкого интеллигента нисколько не походил, я уверена, при случае он вполне сможет постоять за себя.

— Подождем немного и выберемся на шоссе, — предложила я. — Даст бог, это все наши фантазии, и «Тойоту» мы больше не увидим.

Тут я вспомнила о Сережиной встрече и спросила:

— Время у нас еще есть? Ты не опоздаешь?

— Время есть, — кивнул он, взял меня за руку и добавил: — Прости, что втянул тебя во все это. Надо было ехать одному. Только очень не хотелось упускать свой шанс: в жизни не видел никого красивее тебя.

Я улыбнулась скромно и даже покраснела, само собой, после таких слов просто смешно было принимать во внимание каких-то там типов в количестве двух человек.

— Я думаю, все будет хорошо, — уверенно заявила я и сама взяла Сережу под руку. Мы немного прогулялись, чутко прислушиваясь к шуму, доносившемуся со стороны дороги. Все-таки «Тойота» нас очень беспокоила. — Навер-